

**ЯДРО ПОЛЯ НЕРЕАЛЬНОСТИ.
КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ**

Наша работа посвящена одной из наиболее сложных методических и научных проблем грамматики — способам проявления модальности, в частности её выражению категориальными и некатегориальными средствами в английском языке. Несмотря на неослабевающий интерес исследователей к этой проблеме, категория модальности по-прежнему дает повод для споров и дискуссий, устранение которых поможет формированию единой точки зрения на рассматриваемый феномен, что в свою очередь найдёт своё отражение в усовершенствовании подхода к его изучению.

Обычно модальность определяют как указание на отношение к действительности. При этом модальность считается в основном синтаксической категорией, реализующейся на уровне предложения [4: 9]. Кроме этого, существует иной тип модальности, образующий "второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, выраженный вводными синтагмами" [4: 85]. Эти два типа значений В. З. Панфилов называет объективной и субъективной модальностью соответственно. Они отражают два уровня в структуре суждения — форму мышления, отражающую объективную действительность, и проявление активной познавательной деятельности человеческого мышления [6]. Подобное разделение модальных значений на объективно-модальные и субъективно-модальные мы находим у многих исследователей, при этом первый тип модальных значений нередко называют обязательным, а второй — факультативным. Считается, что обязательные модальные значения неотделимы от самого понятия предложения как такового (значения реальности / нереальности). Что касается факультативных значений, то их выражение определяется желанием говорящего, его свободной волей, и, следовательно, они понимаются как нечто "надстрочечное, необязательное и даже избыточное" [5: 13]. Это разделение модальных значений фиксируется почти во всех существующих грамматиках [3, 7, 8].

Модальность — это "семантика отношения денотатов к действительности". Будучи универсальной языковой категорией, функцио-

нирующей на разных уровнях языка, она выявляется "как в области грамматико-строєвых элементов языка, так и в области его лексико-номинативных элементов" [3: 92]. Традиционное категорическое противопоставление объективности и субъективности в рамках коммуникации является, с нашей точки зрения, в большой степени условным. Таким образом, мы рассматриваем любые модальные значения как субъективные. Особенно это касается значений, относящихся к сфере нереальности. Подобный ракурс позволяет нам не ограничивать инвентарь средств выражения нереальности только грамматическими способами, но, расширив само поле нереальности, объединить в нем разноуровневые средства выражения.

На данном этапе развития науки наиболее популярной является полевая трактовка модальных значений. Различия между различными концепциями просматриваются в выделении категориальных оппозиций, лежащих в основе частных функционально-семантических полей (ФСП) [2]. В своем исследовании мы основываемся на том, что основным среди модальных значений является оппозиция реальность / нереальность, проявляющаяся на всех уровнях языковых единиц. Также основываясь на теории ФСП, мы рассматриваем микрополе нереальности как единую, хотя и не гомогенную сферу, объединяющую в себе несколько значений и множество способов выражения этих значений.

Говоря о терминах "реальность" и "нереальность", нужно пояснить, что мы вкладываем в смысл этих понятий с коммуникативных позиций. **Реальность определяется как объективная действительность, существующая независимо от нашего сознания.** Реальность события отождествляется с объективной истинностью предложения как соответствующего реально существующему в действительности положению дел независимо от того, что об этом положении дел известно. Однако, учитывая то, что мы не можем говорить о строго объективном или субъективном в конкретной коммуникативной ситуации, объективная истинность или ложность отражения действительности является для нас лингвистически нерелевантной, так как степень объективной достоверности высказывания зависит от степени познания данного явления.

Таким образом, говоря об оценке суждения с точки зрения истинности / ложности, мы принимаем во внимание не объективное соответствие высказывания действительности, а его **оценку говорящим как факта или нефакта.**

Нереальность соответствует потенциальности и нефактичности (контрфактичности). **Ее можно определить как устанавливаемое говорящим представление о потенциальном существовании. Нереальным мы называем не формально ложное высказывание, а действие, представленное говорящим как нереальное, то есть желаемое, рекомендуемое, гипотетическое действие, осуществление которого является проблематичным, либо уже неосуществившееся.**

Мы включаем значения возможности, вероятности, желательности, волеизъявления, побудительности и др. в семантику **единого поля нереальности**. Основанием для подобного объединения является, на наш взгляд, присутствие в них семы нереальности как коммуникатино-семантического инварианта всех этих значений, что и позволяет нам рассматривать эти значения составляющими поля нереальности. Исходя из разделения модальности на два подтипа — эпистемическую и деонтическую, мы выделяем в рамках поля нереальности два типа значений, которые в речи выражаются разными (иногда одними и теми же) средствами нереальности. К эпистемическим мы относим значения возможности, вероятности, предположительности, проблематичности; к деонтическим — значения желательности, волеизъявления, побуждения, предсказательности, способности и намерения. Нереальное действие мы разделяем на два вида — собственно нереальное (абсолютное) несовершившееся действие и относительное (проблематичное) гипотетическое действие.

В плане выражения ядро поля нереальности составляют категориальные средства — формы сослагательного наклонения, так как они характеризуются максимальной концентрацией признаков нереальности, максимальной специализированностью в выражении значений нереальности и регулярностью функционирования. Некатегориальные средства передачи нереальности, входящие в состав поля, — модальные глаголы, вводно-модальные слова (эпистемические наречия), эпистемические предикаты (ЛСГ глаголов воображения, мыслительной деятельности) находятся на периферии поля нереальности. Все средства передачи нереальных значений мы называем "операторами нереальности".

Значения нереальности передаются в основном средствами сослагательного наклонения. Отдельные конструкции изъявительного наклонения также способны выражать значения нереальности, т. е. использоваться в нехарактерном для них контексте. Но в перспективе материалом будущих исследований по грамматике должны служить

и случаи употребления других наклонений, — например, изъявительного, в которых наличие значения нереальности обеспечивается и обуславливается присутствием "материального показателя" — модального оператора с точки когнитивно-коммуникативного подхода [1]. Модальные операторы употребляются как независимо — в контексте изъявительного наклонения, так и с конструкциями сослагательного наклонения, т. е. в сочетании с категориальным способом выражения этих же значений. Присутствие в реальной ситуации хоть одного оператора нереальности изменяет модальность ситуации с реальной на нереальную.

Таким образом, в плане выражения ядро поля нереальности образуется категориальными средствами — конструкциями сослагательного наклонения, способными наиболее полно отражать семантику нереальности и являющимися опорными средствами представления о модальности, всегда обладающей специфическими характеристиками в каждом языке, наиболее трудными при сопоставлении с другими языками. Но при обращении к представлениям о выражении языковой модальности в процессе обучения грамматике иностранного языка не следует ограничиваться исключительно ядерными компонентами рассматриваемого поля: особо тщательной проработки заслуживают все формы реализации модальности, ее грамматические и "надграм-матические" показатели, ее функции и роль в формировании полноценных коммуникативных структур и т. п., потому что именно в области модальных отношений система языка более всего приближается к системе речи и именно модальность определяет основной характер речевой реализации языкового инварианта, формирует базовые параметры коммуникативной ситуации и, в конечном счете, "цементирует" языковые структуры при формировании целостного высказывания. В связи с этим только на основании четкого методологически обоснованного представления о сущности языковой модальности, соотношения реальности/ирреальности возможно углубленное описание системы языка и речи, которые должны быть использованы в преподавании синтаксиса не только в системе высшего филологического образования и повышения квалификации учителей-словесников, но и в средних учебных заведениях, особенно там, где данный язык изучается углубленно с позиций теории коммуникации.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Модальные и семантические операторы // *Облик слова: Сб. статей памяти Д. Н. Шмелева*. — М.: Институт русского языка, 1997. — С. 22-40.
2. Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. — 180 с.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. — М.: Высшая школа, 2005. — 240 с.
4. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. *Исследования по русской грамматике. Избранные труды*. — М.: Наука, 1975. — С. 53-87.
5. Милосердова Е. В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1991. — 196 с.